

Anti-competitive malfeasance as a basis for criminal liability

A. V. Danilovskaya¹

¹Pacific State University, Khabarovsk, Russian Federation

DOI: 10.18255/2306-5648-2024-4-408-417

Research article
Full text in Russian

Illegal activities of officials of state authorities and local self-government that restrict competition constitute a socially dangerous act of corruption committed in the economic sphere. One of its forms is the conclusion of anti-competitive agreements by officials of these bodies with business entities, prohibited by antimonopoly law. According to the National Security Strategy, this type of behavior represents a threat to national security, the fight against which is one of the important tasks facing the state. The criminal legal means of combating it, provided for by the Criminal Code of the Russian Federation, are imperfect; they are characterized by problems not only of a theoretical, but also of a practical nature. The article provides an analysis of the existing situation and suggests ways to resolve it. One of them is a proposal to introduce an independent basis for criminal liability for agreements restricting competition between officials and business entities.

Keywords: competition; anti-competitive agreements; corruption; criminal liability; malfeasance; violation of antitrust laws

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Danilovskaia, Anna V. | E-mail: noginov.vladisl@yandex.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence)

For citation: Danilovskaya A. V. Anti-competitive malfeasance as a basis for criminal liability // Demidov Law Journal. 2024. Vol. 14, No. 4. P. 408-417. (in Russ.)

Антиконкурентные должностные преступления как основание уголовной ответственности

А. В. Даниловская¹

¹Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2306-5648-2024-4-408-417

УДК 343.3/.7

Научная статья

Полный текст на русском языке

Ограничивающая конкуренцию противоправная деятельность должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления представляет собой общественно опасное коррупционное деяние, совершаемое в сфере экономики. Одной из его форм является заключение должностными лицами указанных органов с хозяйствующими субъектами запрещенных антимонопольным законом антиконкурентных соглашений. Согласно Стратегии национальной безопасности данный тип поведения представляет собой угрозу национальной безопасности, борьба с которым является одной из важных задач, стоящих перед государством. Уголовно-правовые средства борьбы с ним, предусмотренные Уголовным кодексом РФ, являются несовершенными, им свойственны проблемы не только теоретического, но и практического характера. В статье изложен анализ существующей ситуации и предлагаются пути ее разрешения. В качестве одного из них выступает предложение о введении самостоятельного основания уголовной ответственности за ограничивающее конкуренцию соглашение между должностными лицами и хозяйствующими субъектами.

Ключевые слова: конкуренция; антиконкурентные соглашения; коррупция; уголовная ответственность; должностные преступления; нарушение антимонопольного законодательства

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Даниловская, Анна Владимировна

E-mail: d_a_v@list.ru

Кандидат юридических наук, доцент Высшей школы частного права

Для цитирования: Даниловская А. В. Антиконкурентные должностные преступления как основание уголовной ответственности // Демидовский юридический журнал. 2024. Том 14, № 4. С. 408-417.

Ограничивающая конкуренцию деятельность органов государственной власти и местного самоуправления (далее – антиконкурентная деятельность органов власти) в лице их должностных лиц является одним из нарушений антимонопольного законодательства. Федеральный закон «О защите конкуренции»¹ (далее – ФЗ «О защите конкуренции») в ст. 15, 16, 17 и 19 запрещает как индивидуальное антиконкурентное поведение указанных лиц, так и в сговоре с хозяйствующими субъектами. В практике правоохранительных органов такие действия квалифи-

¹ О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108256> (дата обращения: 25.07.2024).

© ЯРГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

цируются по ст. 169, 285 и 286 Уголовного кодекса РФ, которые хотя и не предусматривают напрямую ответственность за ограничивающие конкуренцию акты, действия (бездействие) органов власти и местного самоуправления, но содержат универсальные по своему характеру признаки, охватывающие запрещенное ФЗ «О защите конкуренции» поведение должностных лиц, и применяются к соответствующим фактам в отсутствие специальных уголовно-правовых.

Данный тип коррупционного поведения в сфере экономики несет угрозу безопасности страны, борьба с ним обозначена в утвержденных Президентом Стратегии экономической безопасности (Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»²) и Стратегии национальной безопасности (Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»³) как важная государственная задача, решение которой является не менее значимой, чем поддержка, развитие и защита конкуренции, пресечение монополистической деятельности, также признанной угрозой стране.

Общественная опасность антиконкурентной деятельности органов власти не вызывает сомнений и обусловлена вредом общественному благосостоянию, который причиняется посредством противоправного установления барьеров входа хозяйствующих субъектов на рынок. Речь идет в первую очередь о принятии препятствующих развитию конкуренции актов, действиях, нарушающих законодательство о контрактной системе, связанных с участием органов власти в торгах, а также с незаконным предоставлением органами власти хозяйствующим субъектам государственной или муниципальной помощи в виде преференций. Анализ суждений представителей экономической науки показал однозначную отрицательную оценку антиконкурентного воздействия государства на экономику [1, с. 93–107]. Так, американский экономист Р. Познер в ходе своего исследования соотношения монополии и организующей конкуренцию деятельности должностных лиц государственных органов пришел к выводу, что «регулирование, ведущее к созданию барьеров, наносит больший ущерб обществу, нежели частные монополии как таковые» [2, с. 94]. В отношении же противоправной деятельности экономисты отмечают, что «плохая система цен, противоречащая соображениям социальной справедливости, в чем видится основной негативный эффект монополий, представляется более предпочтительной, чем коррумпированный административный механизм, как с точки зрения распределения ресурсов, так и с точки зрения распределения выгод» [3 с. 15; 1, с. 100]. В целом, по мнению представителей экономической науки, политика против коррупции, реформа государственного управления в определенной степени должны являться частью конкурентной политики [2, с. 94].

² О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения: 25.07.2024).

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 2.07.2021 г. № 400 URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 25.07.2024).

Таким образом, противоправная антиконкурентная деятельность органов власти является не менее опасным явлением, чем монополистическая деятельность хозяйствующих субъектов, в частности картели, признанные в 2017 г. угрозой экономической безопасности, чем и обусловлено государственное внимание к ней. Надо отметить, что данный подход не является чем-то новым, так как с самого начала своей деятельности антимонопольный орган выявлял большое количество нарушений со стороны органов власти и местного самоуправления в сфере конкуренции. Так, за период 2006–2015 гг. в статистике антимонопольного органа нарушений как федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ, так и органами местного самоуправления ст. 15–21 ФЗ «О защите конкуренции», связанных с принятием правовых актов и совершением действий, включая заключение соглашений и осуществление согласованных действий, направленных на недопущение, ограничение, устранение конкуренции, были выявлены в 2006 г. – 2 460, 2007 г. – 2 970, 2008 г. – 4 304, 2009 г. – 5 820; 2010 г. – 6 982, 2011 г. – 6 384, 2012 г. – 5 386, 2013 г. – 5 364, 2014 г. – 4 515, 2015 г. – 4 005⁴. И только с 2016 г. наметилась тенденция по их снижению: в 2006 г. выявлено 1 340, 2017 г. – 1 260, 2018 г. – 1 092, 2019 г. – 1 017, 2020 г. – 725; 2021 г. – 611; 2022 г. – 584; 2023 г. – 483 случаев нарушений рассматриваемой группы⁵. Положительная динамика последних лет обусловлена изменениями ФЗ «О защите конкуренции», в частности внедрением и активным применением институтов предостережения и предупреждения (ст. 25.7 «Предостережение о недопустимости нарушения антимонопольного законодательства» и ст. 39.1 «Предупреждение о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства» ФЗ «О защите конкуренции»), позволяющие антимонопольному органу своевременно реагировать на факты нарушений [4].

Наряду с этим, отметим, что проведенное исследование дает основания для выявления довольно низких показателей соотношения статистических данных ФАС с установленными в изученных приговорах фактами должностных преступлений, содержащих признаки антиконкурентных действий. Так, за период с 2015–2023 гг. было изучено 14 приговоров, состоявшихся по ст. 169 Уголовного кодекса РФ, 150 – по ст. 285 и 170 – по ст. 286 Уголовного кодекса РФ; из них признаки нарушения должностными лицами антимонопольного законодательства были установлены в 8 приговорах, состоявшихся по ст. 169 Уголовного кодекса РФ, в 15 – по ст. 285 и в 27 – по ст. 286 Уголовного кодекса РФ.

Между тем исследование также показало, что составы преступлений, предусмотренных ст. 169, 285 и 286 Уголовного кодекса РФ, в определенной степени отражают целый ряд специальных запретов ФЗ «О защите конкуренции». Так, нарушения п. 1 и 2 ст. 15 ФЗ «О защите конкуренции» в форме: 1) введения ограничений в отношении создания хозяйствующих субъектов в какой-либо сфере деятельно-

⁴ Доклады ФАС о состоянии конкуренции в Российской Федерации (2007–2015 гг.) // URL: https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/documenty_doklady (дата обращения: 10.05.2024).

⁵ Доклады ФАС о состоянии конкуренции в Российской Федерации (2016–2023 гг.) // URL: https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/documenty_doklady (дата обращения: 10.05.2024).

сти, а также установления запретов или введения ограничений в отношении осуществления отдельных видов деятельности или производства определенных видов товаров; 2) необоснованного препятствования осуществлению деятельности хозяйствующими субъектами, в том числе путем установления не предусмотренных законодательством Российской Федерации требований к товарам или к хозяйствующим субъектам, охватываемых объективной стороной воспрепятствования предпринимательской деятельности со стороны должностных лиц органов власти и местного самоуправления (ст. 169 Уголовного кодекса РФ). Такие действия должностного лица также могут быть следствием заключенного между ним и хозяйствующими субъектами соглашения об ограничении конкуренции, которое привело к ограничению доступа на товарный рынок, выхода из товарного рынка или устранению с него хозяйствующих субъектов, то есть повлечь противоправные последствия, предусмотренные п. 4 ст. 16 ФЗ «О защите конкуренции». По ст. 285 и 286 Уголовного кодекса РФ квалифицируются деяния должностных лиц, также имеющие признаки нарушений антимонопольного законодательства, совершенные как единолично⁶, так и в силу антиконкурентного соглашения с хозяйствующими субъектами⁷, и связанные с нарушениями ст. 15, 16 и 17 ФЗ «О защите конкуренции». Нередко нарушения квалифицируются в совокупности по ст. 169 и ст. 285 или 286 Уголовного кодекса РФ⁸.

Таким образом, анализ признаков рассматриваемой группы преступлений свидетельствует о существовании в Уголовном кодексе РФ правовых средств борьбы с антиконкурентным поведением должностных лиц органов власти. Однако, согласно анализу статистики ФАС в ее соотношении с исследованием содержания приговоров по ст. 169, 285 и 286 Уголовного кодекса РФ, они явно неэффективны. Хотя отмеченные институты ФЗ «О защите конкуренции» и дают определенные положительные результаты, но остаются вопросы о причинах столь незначительного применении перечисленных статей Уголовного кодекса РФ к случаям антиконкурентной деятельности должностных лиц органов власти.

С одной стороны, имеет безусловное значение наличие административной ответственности за факты нарушений органами власти и их должностными лицами антимонопольного законодательства, что нередко порождает конкуренцию с уголовно-правовыми нормами, на что указывает анализ признаков соответствующих составов и правоприменения. В частности, предусмотренному ст. 14.9 Кодекса РФ об административных правонарушениях составу деяния «Ограничение конкуренции органами власти, органами местного самоуправления», в случае прямого

⁶ См., напр.: приговор Петрозаводского городского суда Республики Карелия № 1-34/20156 1-852/2014 от 26.11.2015 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/3uDNW7k8fclT> (дата обращения: 15.06.2019).

⁷ См., напр.: приговор Ленинского районного суда г. Смоленска Смоленской области № 1-257/2020 от 15.07. 2020 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/HxcC38otb3rK> (дата обращения: 12.12.2020).

⁸ См., напр.: приговор Ленинского районного суда г. Оренбурга Оренбургской области № 1-523/2018 от 19.09.2018 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/f72g4LeY2ib4/> (дата обращения: 28.06.2020); приговор Семикаракорского районного суда Ростовской области № 1-169/2018 от 20.02.2019 г. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Xfblu3AiLNHb/> (дата обращения: 28.06.2020).

нарушения антимонопольного законодательства, по внешним признакам корреспондирует преступление, предусмотренное ст. 169 Уголовного кодекса РФ. Часть 1 ст. 14.9 содержит следующий состав административного правонарушения: действия (бездействие) должностных лиц органов власти и местного самоуправления, государственных внебюджетных фондов, а также организаций, участвующих в предоставлении государственных или муниципальных услуг, которые недопустимы в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации и приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции, а равно к ограничению свободного перемещения товаров (работ, услуг), свободы экономической деятельности.

Суть правонарушения может быть определена как индивидуальное антиконкурентное поведение должностных лиц органов власти, нарушающее ст. 15 ФЗ «О защите конкуренции». Признаки состава преступления, предусмотренного ст. 169 Уголовного кодекса РФ, хотя и выглядят более широкими, поскольку описанные в его объективной стороне деяния не всегда связаны с антиконкурентной деятельностью, могут иметь место при квалификации по данной статье Уголовного кодекса РФ соответствующего нарушения ФЗ «О защите конкуренции» должностным лицом, что и встречается в практике. При этом ни состав административного правонарушения, ни состав преступления, будучи формальными, не содержат материальных признаков, которые бы позволили их разграничить. Следовательно, нарушение запрета ст. 15 ФЗ «О защите конкуренции» может быть квалифицировано и по статье Кодекса РФ об административных правонарушениях, и по статье Уголовного кодекса РФ как воспрепятствование должностным лицом законной предпринимательской деятельности с целью ограничения конкуренции. Такая ситуация должна привлечь внимание законодателя для приведения нормативных правовых актов в состояние, исключающее конкуренцию разноотраслевых правовых норм.

Помимо этого, существует неоднократно отмечаемая в науке конкуренция правовых норм, содержащихся в ст. 169, 285 и 286 Уголовного кодекса РФ. Относительно рассматриваемой антиконкурентной деятельности должностных лиц на практике нередки случаи квалификации одних и тех же деяний должностных лиц по ст. 169 и ст. 285 или по ст. 286 Уголовного кодекса РФ с последующей переквалификацией на другие статьи этой же группы при вынесении приговора. Встречаются ситуации квалификации как воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 169 Уголовного кодекса РФ) нарушения должностным лицом органа власти требований ст. 16 ФЗ «О защите конкуренции» при наличии сговора с хозяйствующим субъектом, что могло бы не вызывать вопросов, если бы в других случаях судом за сговор с хозяйствующим субъектом, следствием которого явилось воспрепятствование законной предпринимательской деятельности его конкурента, а также за действия в виде злоупотребления должностными полномочиями в рамках сговора при проведении закупок должностное лицо не было привлечено к ответственности и по ст. 169 Уголовного кодекса РФ, и по ст. 286 Уголовного кодекса РФ. Сложившаяся практика, отмечаемая при анализе приговоров, не только не способствует единообразию правоприменения непосредственно

при квалификации деяний, но и может отражать факты злоупотребления при назначении наказания, ибо санкция ст. 169 Уголовного кодекса РФ и санкции ст. 285 и 286 Уголовного кодекса РФ содержат разные виды наказаний.

Представляется, что исключение ст. 169 из Уголовного кодекса РФ может являться решением проблемы ее конкуренции со ст. 14.9 Кодекса РФ об административных правонарушениях, а также со ст. 285 и ст. 286 Уголовного кодекса РФ.

Между тем среди коррупционных типов антиконкурентного поведения наибольшую опасность представляют антиконкурентные сговоры представителей власти с хозяйствующими субъектами. Статистика отмечает их следующее количество: в 2023 г. было возбуждено 98 дел о заключении антиконкурентных соглашений с органами власти, в 2022 г. – 133, в 2021 г. – 187, в 2020 г. – 223; в 2019 г. – 367, в 2018 г. – 300, в 2017 г. – 204, в 2016 г. – 262⁹. Обостряет ситуацию то, что не всегда материалы дел передаются антимонопольным органом в правоохранительные органы для решения вопроса об уголовной ответственности должностных лиц. Данный вывод следует из анализа как ежегодных докладов ФАС о состоянии конкуренции, так и правоприменения [4].

В общем, в такой ситуации нет ничего необычного, так как не каждое антиконкурентное соглашение содержит признаки преступления. В то же время, как уже было отмечено выше, антиконкурентные соглашения с органами власти являются одним из видов ограничивающих конкуренцию соглашений, запрещенных ст. 16 ФЗ «О защите конкуренции», представляющих угрозу национальной безопасности страны, противодействие которым определено государством в качестве гарантии ее безопасного существования. Так как Уголовный кодекс РФ не содержит самостоятельного основания уголовной ответственности за сговор должностного лица с хозяйствующим субъектом, применению подлежат все те же ст. 169, 285 или 286 Уголовного кодекса РФ за конкретные единоличные действия должностного лица, запрещенные ФЗ «О защите конкуренции» и осуществляемые им во исполнение достигнутой договоренности с хозяйствующим субъектом.

На фоне того, что перечисленные статьи Уголовного кодекса РФ на современном этапе представляют собой весьма слабый инструмент противодействия антиконкурентным соглашениям по перечисленным выше и иным причинам, имеет место также факт отсутствия официальной уголовно-правовой оценки противоправного поведения хозяйствующих субъектов и их представителей, заключивших и принявших участие в таком соглашении.

Дело в том, что базовый запрет на данный вид соглашения, предусмотренный ст. 16 ФЗ «О защите конкуренции», распространяется не только на органы государственной власти и местного самоуправления, но и на хозяйствующие субъекты. Соответственно ФАС в своей деятельности при расследовании случаев таких соглашений привлекает к ответственности обе стороны.

Безусловно, законодательство предусматривает широкий спектр разноотраслевых мер противодействия посягательствам на конкуренцию, а потому нет причин

⁹ Доклады ФАС о состоянии конкуренции в Российской Федерации (2016–2023 гг.). URL: https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/documenty_doklady (дата обращения: 19.07.2024).

для криминализации каждого запрета антимонопольного закона. Однако в случаях официального признания необходимости противодействия конкретным нарушениям законодательства в целях обеспечения национальной безопасности страны представляется логичным вопрос об уголовной ответственности за их совершение либо об эффективности применения существующих уголовно-правовых средств.

Одним из примеров антиконкурентного соглашения с участием должностного лица и хозяйствующих субъектов является сговор на торгах, а именно соглашение об ограничении (устранении) конкуренции при проведении закупок, заключаемое между должностным лицом органа власти – организатором (заказчиком) торгов с участниками торгов – хозяйствующими субъектами или их представителями. Необходимо учитывать, что данный вид деяния совершается при особых конкурсных или аукционных процедурах, проведение которых направлено на повышение эффективности расходования бюджетных средств, а также реализуемых в целях удовлетворения потребностей государства или муниципального образования в товарах, работах и услугах, предназначенных для населения и государства в самых разных сферах жизни и деятельности, нередко имеющих стратегическое значение. При привлечении к уголовной ответственности правоприменителем действует ст. 178 Уголовного кодекса РФ «Ограничение конкуренции», предусматривающая ответственность хозяйствующих субъектов или их представителей за картель, и ст. 169, или 285, или 286 Уголовного кодекса РФ в отношении должностных лиц органов власти или местного самоуправления. При этом сговор между должностным лицом и хозяйствующим субъектом или его представителем как таковой остается без правовой оценки.

В этой связи отметим ситуацию с межотраслевой дифференциацией ответственности. Сговор органа власти с хозяйствующими субъектами квалифицируется по ч. 7 ст. 14.32 Кодекса РФ об административных правонарушениях, в частности как заключение федеральным органом исполнительной власти, органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органом местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов, органом или организацией либо государственным внебюджетным фондом недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством РФ соглашения либо осуществление указанными органами или организациями недопустимых в соответствии с антимонопольным законодательством согласованных действий. Санкция предусматривает наказание для должностных лиц. Одновременно с этим ч. 2 данной же статьи предусмотрена административная ответственность как в отношении должностных лиц, так и юридических лиц за заключение хозяйствующим субъектом недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации соглашения, если такое соглашение приводит или может привести к повышению, снижению или поддержанию цен на торгах, либо заключение недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации соглашения между организаторами торгов и (или) заказчиками с участниками этих торгов, если такое соглашение имеет своей целью либо приводит или может привести к ограничению конкуренции и (или) созданию преимущественных условий для каких-либо участников, либо участие в них.

Прямой преемственности в Уголовном кодексе РФ по последнему основанию ответственности нет. В этой связи имеет смысл обратиться к содержанию выделенного в науке принципа связи, который, хотя и имеет отношение к проблеме классификации преступлений, хорошо иллюстрирует важность учета общей природы всех видов однородных правонарушений. В частности, согласно этому принципу, имеют весьма важное значение для классификации не только внешние связи отдельных видов преступлений между собой, но и связи преступлений с иными правонарушениями [5, с. 33–34; 4]. Основная идея данного принципа нашла свое отражение и в Концепции уголовно-правовой политики, согласно которой преступность деяния должна определяться Уголовным кодексом РФ с учетом предписаний законодательства иных отраслей права, не должно допускаться нарушение взаимосвязи между нормами уголовного права и нормами различных отраслей законодательства [6].

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

Определенная в Стратегии национальной безопасности цель обеспечения экономической безопасности путем решения задач по снижению уровня коррупции в предпринимательской среде, защите конкуренции на российском рынке, пресечению антиконкурентных соглашений, а также анализ данных официальной статистики в ее соотношении с правоприменением приводит к предположению о необходимости дополнения Уголовного кодекса РФ новым основанием уголовной ответственности за заключение должностными лицами органов власти с хозяйствующими субъектами или их представителями антиконкурентных соглашений и их реализацию посредством введения самостоятельного состава преступления. Проведенное исследование показало, что, с одной стороны, Уголовный кодекс РФ хотя и предусматривает уголовно-правовые средства борьбы с антиконкурентными должностными преступлениями, но возможности противодействовать им в целом и антиконкурентным соглашениям с участием должностных лиц органов власти или местного самоуправления в частности существенно снижены в связи с несовершенством уголовно-правовых норм и практики их применения. С другой стороны, имеет место нарушение принципа связи, что привело к подрыву основания межотраслевой дифференциации из-за наличия пробела в уголовном законе, влекущее игнорирование фактов противоправного поведения как со стороны должностных лиц органов власти, так и со стороны хозяйствующих субъектов (их представителей), заключивших антиконкурентное соглашение.

Предложение о таком основании уголовной ответственности включает постановку уголовно-правового запрета, основанного на базовом запрете, предусмотренном ст. 16 ФЗ «О защите конкуренции», на заключение должностным лицом с хозяйствующими субъектами ограничивающего конкуренцию соглашения, а равно на участие в его реализации, где в качестве субъекта ответственности выступали бы должностное лицо, определяемое согласно примечанию к ст. 285 Уголовного кодекса РФ, и хозяйствующие субъекты, понятие которых предусмотрено ст. 4 ФЗ «О защите конкуренции», или их представители и являющиеся, в частности:

- 1) лицом, зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя;
- 2) непосредственным руководителем (единоличным исполнительным органом),

иным представителем юридического лица (например, членом коллегиального органа управления, управляющим, участником юридического лица), имеющим правовые основания (в силу договора, закона, доверенности, иного правового акта) осуществлять юридически значимые действия от его имени (либо от своего имени) и в его интересах; 3) физическим лицом, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющим профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации.

Ссылки

1. Даниловская А. В. Экономическое обоснование уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции // Lex Russica. 2021. № 2. С. 93–107.
2. Авдашева С. Б., Шаститко А. Е., Калмычкова Е. Н. Экономические основы антимонопольной политики: российская практика в контексте мирового опыта // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2007. № 1. С. 89–123.
3. Левин М. И., Левина Е. А., Покатович Е. В. Лекции по экономике и коррупции : учебное пособие / Высшая школа экономики. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. 360 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/66035> (дата обращения: 26.02.2024).
4. Даниловская А. В. Криминализация как элемент уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции // Право и политика. 2023. № 12. С. 67–85. URL: https://e-notabene.ru/lpmag/article_69454.html (дата обращения: 13.08.2024).
5. Кадников Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 349 с.
6. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации. URL: <https://www.oprf.ru/discussions/1389/newsitem/17889> (дата обращения: 29.02.2024).